

КЪ ЭТНОГРАФІИ ВОТЯКОВЪ

ПРИКАМСКАГО КРАЯ.

Часть III.

СКАЗКИ и ЛЕГЕНДЫ.

Гр. ВЕРЕЩАГИНЪ.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	<i>Стр.</i>
1. Змѣя	109
2. Три брата	112
3. Волки-оборотни	115
4. Попъ выль	121
5. Сапожникъ и силачь-мельникъ	123
6. Конскій богъ	126
7. Вуко-пери	129
8. Покойница-колдунья	132
9. Банные духи	135
10. Нищій	137
11. Нищій-языковѣдъ	140
12. Мужикъ-языковѣдъ	143
13. Торговецъ и нищій	147
14. Купецъ и Шайтанъ	152
15. Ямщикъ и людоморь	154

З м ѣ я.

(Разсказъ *Шатыжа*).

Молодая дѣвушка, дочь богатаго мужика, пошла къ колодцу за водой и увидѣла извѣстную въ деревнѣ колдунью. Колдунья стояла у колодца безъ всякаго дѣла. Дѣвушка испугалась колдуньи и стала за амбаръ, который былъ недалеко отъ колодца. Постояла она за угломъ минуту, другую и стала высматривать оттуда, что-де будетъ дѣлать колдунья? Колдунья постояла тутъ малость и ушла. Когда колдуньи уже не было, дѣвушка пришла къ колодцу и вытащила бадью воды. Изъ бадьи воду перелила въ ведро и взяла коромысло, чтобы унести домой. Вдругъ въ одномъ ведрѣ кто-то заплескался. Посмотрѣла она въ ведро и увидѣла тамъ змѣю (кый). Змѣя въ ведрѣ стала расти быстро... Дѣвушка ужаснулась... Оставила она ведра съ водой и убѣжала домой. Дома сказала она о случившемся отцу, матери и семейнымъ, и тѣ всей компаніей пошли къ колодцу, чтобы удостовѣриться, дѣйствительно ли въ ведрѣ змѣя. Пришли и видятъ въ ведрѣ большую змѣю. Всѣ пришедшіе туда взяли въ руки кто палку, кто камешокъ, кто рычагъ и убили змѣю. Когда змѣя была убита и брошена, бадья выполоскана, вытащили изъ колодца другую бадью. Въ вытащенной бадьѣ заплескалась такая же змѣя. Убили и эту змѣю и вытащили третью бадью. Въ этой бадьѣ змѣи уже не оказалось. Убитыхъ двухъ змѣй, какъ рѣдкихъ въ томъ мѣстѣ галовъ, увезли въ городъ, чтобы продать ихъ на базарѣ. Хозяинъ, продавецъ змѣй, прежде всего зашелъ въ магазинъ, не купятъ ли тамъ змѣй. Купецъ, хозяинъ магазина, купилъ обѣихъ змѣй, и продавецъ змѣй вышелъ. Когда продавца уже не было и змѣи лежали въ магазинѣ, вдругъ одна изъ змѣй ожила. Вышла она изъ магазина и съѣла много людей, собравшихся на базаръ. Убить ее не могли.

Послѣ съѣданія людей, змѣя зашла въ одинъ изъ городскихъ домовъ, гдѣ были люди храбрые, и тамъ змѣю убили; когда ее уби-

вали, она стала выплевывать из себя съѣденныхъ ею людей. Выплеваемые люди ожили и объявили начальнику города, что ихъ проглатывала змѣя, и когда убили эту змѣю, она выплевывала ихъ обратно, и они ожили.— „Откуда взялась змѣя?“ спросилъ начальникъ. Люди отвѣтили, что продалъ двухъ убитыхъ змѣй какой-то мужикъ, и одна изъ нихъ ожила, что эта самая змѣя проглатывала ихъ.

Начальникъ приказалъ отыскать продавца змѣй. Нашли его и арестовали. Между тѣмъ, какъ хозяина брали подъ арестъ, змѣя опять ожила. Продавцу змѣи приказано было убить послѣднюю, но онъ этого не могъ сдѣлать. Тогда начальникъ города велѣлъ запереть хозяина съ ожившей змѣей въ одну камеру. Заперли ихъ обоихъ, и змѣя своего хозяина съѣла. Хозяинъ кричалъ, но крика его никто не слышалъ. Черезъ нѣсколько времени отперли камеру и тамъ увидѣли только одну змѣю.— „Куда дѣлся хозяинъ?“ спрашиваютъ сторожа другъ друга. Сторожа въ недоумѣніи заключили, что арестованный сбѣжалъ и скрылся. Доложили объ этомъ начальнику и послѣдній послалъ искать сбѣжавшаго.

Змѣю опять заперли и ушли. Когда у камеры не было никого, въ это время змѣя разбила двери и вышла. Она ушла къ начальникамъ города и всѣхъ ихъ съѣла. Посланные начальникомъ хозяина змѣи не нашли и вернулись обратно. Одинъ изъ нихъ зналъ языкъ змѣй и, встрѣтившись съ людоедкой-змѣей, сталъ ее уговаривать, чтобы она не ѣла людей, а поступала бы по его велѣнью.— „А что велишь мнѣ дѣлать?“ спросила змѣя.— „Я привяжу тебя къ заду своей телѣги, и ты не шевелись“, отвѣтилъ знающій языкъ змѣй.— „Хорошо, буду дѣлать такъ, какъ велишь“—согласилась змѣя.

Знающій языкъ змѣй запрягъ лошадь въ телѣгу и къ заду послѣдней привязалъ змѣю. Бѣжалъ знающій языкъ змѣй по дорогѣ и сталъ спускаться съ горы. Змѣя какъ толкнула телѣгу сзади, такъ она и покатила въ вихремъ, такъ что лошадь убила. Съѣхали съ горы и везти стало некому.— „Запрягись теперь въ телѣгу ты сама и вези вмѣсто лошади“—говоритъ знающій языкъ змѣй.

— „Запрягусь съ удовольствіемъ,“—отвѣчаетъ змѣя. Запряглась она вмѣсто издохшей лошади и помчалась вихремъ, такъ что сѣдокъ изъ телѣги выбросило и самая телѣга разлетѣлась въ пухъ и прахъ. Змѣя, оставивши своего сѣдока, пришла въ деревню. Въ деревнѣ зашла она въ одинъ домъ, гдѣ народу было много и тамъ взяла ее

и запрягли въ крѣпкую телѣгу. Змѣя не сопротивлялась—дала себя запрячь, какъ обыкновенная лошадь.

Въ телѣгу сѣли сильные мужики и стали кататься. Змѣя носилась быстро, какъ вѣтеръ, и, перетоптавши чуть не всѣхъ людей, убѣжала. Шаталась она вездѣ, гдѣ ей вздумалось, и встрѣтилась случайно съ силачемъ, знающимъ языкъ змѣй.—„Сдѣлайся ты мнѣ хозяномъ, а я сдѣлаюсь конемъ“,—говоритъ змѣя силачу.—„Съ удовольствіемъ сдѣлаюсь“,—отвѣчаетъ силачъ. Нашли гдѣ-то телѣгу и силачъ запрягъ змѣю въ этотъ экипажъ. Сѣлъ силачъ въ телѣгу и сталъ править змѣей-конемъ.

Змѣя по-прежнему носилась вихремъ, чтобы выбросить изъ телѣги сѣдока; но сѣдокъ сидѣлъ, какъ силачъ, крѣпко. Пріѣхали въ деревню, и змѣя остановилась. Силачъ смотритъ на свои руки и видитъ, что они въ мозоляхъ и крови. Онъ сталъ предлагать мужикамъ покататься на конѣ-змѣѣ. Никто изъ мужиковъ не осмѣливается. Наконецъ одинъ, повидимому здоровый, сказалъ, что онъ покатается съ удовольствіемъ, сѣлъ онъ въ телѣгу и сталъ править. Змѣя опять понеслась вихремъ и прибѣжала въ городъ. Въ городѣ, у самой церкви, сѣдокъ выпалъ и чуть не раскололъ себѣ черепъ. Церковь была отперта, и сторожа, стоявшіе на паперти, все это видѣли.

Мужикъ—сѣдокъ заперъ змѣю въ церковь и ключъ взялъ себѣ; затѣмъ онъ ушелъ и скрылся.

Сторожа о запертой змѣѣ и церковномъ ключѣ попу не сказали и змѣя оставалась тамъ, въ церкви. Утромъ попъ приходитъ въ церковь и требуетъ ключъ. Сторожа сказали, что пріѣзжалъ какой-то мужикъ на змѣѣ, чуть не убился, змѣю заперъ онъ въ церковь, ключъ взялъ себѣ и скрылся. Собрали людей и замокъ изломали. Отперли церковь и змѣя убѣжала.

Сторожей отдали подъ судъ; судили ихъ и дѣло о змѣѣ кончилось. Послѣ этого принесли въ церковь покойника. Попъ, отпѣвши покойника, приказалъ сторожамъ, когда могила будетъ готова, похоронить его, но могила не успѣла, и покойника унесли въ усыпальницу. Ночью покойникъ ожилъ и сталъ стучаться въ дверь усыпальницы. Сторожа сказали объ этомъ попу, и послѣдній приказалъ ожившаго покойника убить. Убили покойника и похоронили его. Куда дѣлась змѣя—никто не зналъ.

Три брата (квинь братьяось).

(Разсказъ Ядыгара).

„Въ городѣ жили-были попъ, чиновникъ и мельникъ; у нихъ было по сыну, и они задумали отдать своихъ сыновей учиться наукамъ и вѣстному колдуну. Сынъ попа назывался Васильемъ, сынъ чиновника — Иваномъ, а сынъ мельника — Яковомъ. Собрались отцы и все въ одно время отправились съ сыновьями. Приѣхали они къ колдуну. Поговорили съ нимъ, о чемъ надо, и уѣхали. Сыновья всѣхъ трехъ остались у колдуна. Прошло нѣсколько времени, и колдунъ въ большомъ котлѣ скипятилъ воду. Когда вода закипѣла, онъ сталъ своихъ учениковъ погружать въ воду. Сначала погрузилъ поповскаго сына и спросилъ его: „что, погрузить ли еще?“ — „Нѣтъ, больше не погружай“, — умолялъ поповичъ колдуна. Колдунъ больше не погрузилъ. Затѣмъ погрузилъ сына чиновника и тоже спросилъ его: — „погрузить ли еще?“. И этотъ сталъ умолять колдуна, чтобы больше не погружалъ. Наконецъ, погрузилъ сына мельника, Якова, и спросилъ его: „погрузить ли еще?“ — „Погружай сколько угодно“, — отвѣтилъ Яковъ. Колдунъ погрузилъ сына мельника до десяти разъ и пересталъ. Яковъ вышелъ изъ горячей воды и сдѣлался неслыханнымъ красавцемъ и — вдобавокъ — сталъ такимъ мудрецомъ-чародѣемъ, что могъ летать по воздуху, какъ птица; а Василій съ Иваномъ ни сколько не перемѣнились. Колдунъ прогналъ ихъ, и они вернулись къ своимъ отцамъ. Прожилъ Яковъ у колдуна нѣсколько времени, учился чародѣйскому искусству, и колдунъ отпустилъ его домой. Шелъ Яковъ, много ли мало ли — дошелъ до моря. Смотритъ на морскія воды и видитъ: на морю плывутъ корабельщики. Онъ вдругъ оборотился въ голубя. Махъ, махъ крыльями — и полетѣлъ навстрѣчу корабельщикамъ. Полетѣлъ голубь и сѣлъ на мачту корабля. Посидѣлъ онъ на мачтѣ нѣсколько времени и, спустившись къ корабельщикамъ, сдѣлался съ ними человѣкомъ. — „Не знаете ли вы моихъ родителей?“ — спросилъ Яковъ.

корабельщиковъ.— „Не знаемъ“, — отвѣтили корабельщики и приняли его за бродягу. Плылъ корабль по морю, много ли, мало ли и доплылъ до острова съ лѣсомъ. Корабельщики, не желая имѣть на своемъ кораблѣ неизвѣстнаго бродягу, высадили его на островокъ. Яковъ остался на островкѣ, а корабельщики поплыли впередъ. Стоялъ Яковъ на берегу островка и вдругъ увидалъ, что къ островку этому плыветъ лѣсокъ. Подплылъ лѣсокъ къ ногамъ его, и онъ перескочилъ съ островка въ лѣсокъ. А въ лѣску этомъ—гладкая, красивая тропинка. По краямъ тропинки и вездѣ въ лѣску стоятъ и тихо шумятъ прекрасныя деревья, одно другого лучше, а на деревьяхъ — плоды зрѣлые всякаго рода. Тутъ поютъ и птички всякія. Идетъ Яковъ по тропинкѣ и не можетъ налюбовать. Шелъ онъ по тропинкѣ много ли. мало ли—дошелъ до огромнаго дома. Вокругъ дома деревья прекрасныя со зрѣлыми плодами. Зашелъ онъ въ домъ и увидалъ тамъ старика сѣдого, какъ лунь. Онъ сидѣлъ въ комнатѣ безъ всякаго дѣла. Старикъ взглянулъ на Якова и спросилъ его: „чего тебѣ надо молодецъ?“ — „Ничего мнѣ не надо, почтенный старичокъ“, — отвѣчаетъ Яковъ. Старикъ пригласилъ Якова сѣсть и спросилъ его о томъ, о семъ. Яковъ отвѣчалъ, вралъ, какъ могъ. Старикъ понравился Яковъ, и сталъ онъ уговаривать его остаться у него жить. Яковъ охотно согласился, тѣмъ болѣе, что лѣсъ представлялъ собою рай. И сталъ онъ жить у старика и дѣлать то, что онъ велѣлъ. Пожилъ Яковъ у старика день, другой и послѣднему понравился. Старикъ вручилъ Якову двѣнадцать ключей отъ двѣнадцати комнатъ, говоря: „всѣхъ ключей у меня тринадцать, но тебѣ сейчасъ вручу только двѣнадцать. Потомъ, если отперешь двѣнадцать комнатъ, я вручу тебѣ тринадцатый ключъ отъ тринадцатой комнаты“. Яковъ отперъ двѣнадцать комнатъ безъ всякаго труда и сказалъ объ этомъ старику. Старикъ повѣрилъ ему и вручилъ тринадцатый ключъ. Отперъ Яковъ тринадцатую комнату и тамъ увидалъ двухъ дѣвицъ сказочной красоты. Дѣвицы сидѣли въ худыхъ платьяхъ, какъ нищенки, а хорошія платья висѣли въ шкапу старика, шкапъ же былъ запертъ тринадцатымъ ключомъ. Вручая Якову тринадцатый ключъ, старикъ предупредилъ его, что если дѣвицы надѣнутъ хорошія платья, то онѣ улетятъ. А платья ихъ были украшены золотомъ и драгоценными камнями.— „Ты не давай имъ хорошія платья, а то онѣ улетятъ, какъ птицы“, — сказалъ старикъ. Яковъ крѣпился, крѣпился и подумалъ: „зачѣмъ-де такимъ красавицамъ худыя платья?

Надо отдать имъ хорошія“. Подумавши такъ, онъ отдалъ имъ хорошія платья. Дѣвицы надѣли на себя хорошія платья и улетѣли, сказавши Якову: „прощай, молодець! Теперь не увидишь насъ“. Погоревалъ Яковъ, да дѣлать нечего: не воротись. Пришелъ старикъ въ комнату и, не видя дѣвиць, сказалъ Якову съ укоромъ: „Зачѣмъ ты отдалъ имъ платья?“ — „Я забылъ твои слова и отдалъ“, — отвѣтилъ онъ старику. Старикъ въ ту же минуту вышелъ и отправился искать дѣвиць, а Яковъ остался въ домѣ старика. Искалъ старикъ дѣвиць двѣнадцать лѣтъ. Нашелъ ихъ и привелъ. Снялъ съ нихъ чудесныя платья и надѣлъ опять прежнія худыя, драгоценныя же заперъ въ шкафъ. Живетъ Яковъ у старика и любитъ красивыми лицами дѣвиць. Видитъ онъ, что дѣвицы сильно горюютъ о своихъ платьяхъ и опять ихъ стало ему жалко. Долго крѣпился Яковъ и, наконецъ, не вытерпѣлъ — опять отдалъ имъ платья. Дѣвицы надѣли платья и улетѣли, сказавши: „теперь прощай навсегда!“ Пришелъ старикъ въ комнату и, не видя дѣвиць, сталъ бранить Якова, зачѣмъ-де онъ отдалъ платья. — „Онѣ сильно горевали и мнѣ стало жаль ихъ,“ — оправдывался Яковъ. — „Ступай теперь искать ихъ самъ“, — сказалъ старикъ. — „Хорошо, пойду“, — сказалъ Яковъ и вышелъ искать дѣвушекъ. Шелъ, шелъ онъ, много ли, мало ли — дошелъ до другого лѣса. Шелъ по тропинкѣ и дошелъ до избушки. Зашелъ въ эту избушку и забрался на печку. Сидитъ онъ на печкѣ и отдыхаетъ. Входитъ въ избу баба-старуха *) съ костяными ногами и, втягивая въ носъ воздухъ, говоритъ: „фу! фу! русскимъ духомъ пахнетъ. Есть чего поѣсть“. И стала она взбираться на печку, чтобы съѣсть Якова. Яковъ былъ не трусъ. Онъ ударилъ старуху по лбу онучей и сказалъ: „сначала напой, накорми, разспроси кто я, откуда и куда пошелъ; потомъ — ѣшь“. Старуха такъ и сдѣлала — сначала напоила, накормила и разспросила его; по ѣсть не стала. Она дала Якову кость черного вѣрона и сказала: „ты пойдешь до избушки; зайдешь въ эту избушку и сядешь на печь. Въ эту избушку зайдетъ старуха и станетъ взбираться на печь, чтобы съѣсть тебя. Ты ударь ее по лбу этой косточкой, и она тебя не тронетъ“. Яковъ взялъ косточку, поблагодарилъ старуху и вышелъ. Шелъ, шелъ онъ, много ли, мало ли — дошелъ и

*) Вѣроятно, Баба-Яга, если принять сказку за вариантъ, усвоенный отъ ской сказки.

избушки. Зашелъ въ эту избушку и взобрался на печку. Сидитъ онъ на печкѣ и отдыхаетъ. Входитъ въ избушку баба-старуха съ костяными ногами и, втягивая въ носъ воздухъ, говоритъ: „фу! фу! русскимъ духомъ пахнетъ. Будетъ чего поѣсть“. И стала она взбираться на печь, чтобы съѣсть Якова. Яковъ былъ не трусъ. Онъ ударилъ старуху по лбу косточкой и сказалъ: „сначала напой, накорми, разспроси кто я, откуда и куда пошелъ, потомъ съѣшь“. Старуха такъ и сдѣлала—напоила, накормила, разспросила, но ѣсть не стала. Она дала ему рыбью косточку и сказала: „ты пойдешь до избушки; зайдешь въ нее и тамъ баба-старуха будетъ протягивать къ тебѣ руку, чтобы взять тебя и съѣсть. Ты ударь ее по лбу этой косточкой и, она тебя не съѣсть. Яковъ взялъ косточку, поблагодарилъ старуху и вышелъ. Шелъ, шелъ онъ по тропинкѣ и дошелъ до избушки. Зашелъ въ избушку и взобрался на печку. Сидитъ онъ на печкѣ, отдыхаетъ. Входитъ въ избушку баба-старуха и, втягивая въ носъ воздухъ, говоритъ: „фу! фу! русскимъ духомъ пахнетъ. Будемъ чего поѣсть“. Съ этими словами она стала протягивать къ Якову руку, чтобы взять его и съѣсть. Яковъ ударилъ старуху по лбу рыбьей косточкой и сказалъ: „сначала напой, накорми, разспроси, кто я, откуда и куда пошелъ, потомъ съѣшь“. Старуха отошла и сказала: „эта кость моей снохи“. Накормила, напоила старуха Якова, разспросила его, но ѣсть не стала. И говоритъ старуха: „ты иди по тропинкѣ и дойдешь до прекраснаго сада и въ этомъ саду увидишь огромный домъ; зайди въ этотъ домъ и тамъ найдешь тѣхъ дѣвицъ, которыхъ ищешь“. Поблагодарилъ Яковъ старуху и вышелъ. Шелъ, шелъ Яковъ по тропинкѣ и дошелъ до прекраснаго сада и въ этомъ саду увидалъ огромный домъ. Зашелъ онъ въ этотъ домъ и увидалъ двухъ знакомыхъ дѣвицъ.—„Я пришелъ за вами. Пойдемте со мной“, обратился онъ къ дѣвицамъ. Дѣвицы молчатъ; видимо, не намѣрены идти съ нимъ. Наконецъ, подумавши, одна заговорила: „ты иди, успрячься гдѣ-нибудь. Если я увижу тебя—получишь смерть, если же нѣтъ—пойду за тобой“. Яковъ ушелъ съ вороньей косточкой въ болото, и кость воронья утопила его въ грязь чуть не по темя, а на голову его сѣлъ воронъ. Дѣвушка стала ворожить соломинками, чтобы узнать, гдѣ успрятался Яковъ. Метнула она соломинки три раза въ три стороны и не узнала. Метнула четвертый разъ въ четвертую сторону и говоритъ другой дѣвицѣ: „смотри-ко, смотри-ко, гдѣ онъ. Завязъ въ болото, а на го-

ловъ его — воронъ. Вернись молодецъ: увидала тебя“ — говоритъ дѣвица Якову въ открытое окно. Пришелъ Яковъ къ дѣвицамъ не въ духѣ и говоритъ: „позвольте усюрататься въ другой разъ“. — „Иди, усюрачься“, — соглашаются обѣ дѣвицы. Ушелъ Яковъ съ рыбею косточкою къ морю, которое было за лѣсомъ, и нырнулъ въ воду. Дѣвушка стала гадать соломинками, чтобы узнать, куда усюратался молодецъ. Метнула она соломинками три раза въ три стороны и не узнала; метнула четвертый разъ въ четвертую сторону и говоритъ другой дѣвицѣ: „Посмотри-ко, посмотри въ окошечко. Онъ въ водѣ на рыбѣ“. Дѣвицы возвысили голосъ и стали звать Якова. Вернулся Яковъ въ домъ и просить позволенія усюрататься третій разъ. — „Иди, усюрачься“, — соглашаются дѣвицы. Ушелъ Яковъ въ лѣсъ и тамъ муравьиное масло обмазало его всего и муравьи обсыпали его. Дѣвушка метнула соломинкою однажды и говоритъ другой: „Посмотри-ко, сестра, гдѣ онъ усюратался. Онъ въ муравейникѣ, а на немъ ползаютъ муравьи“. Дѣвушки стали звать его къ себѣ. Яковъ пришелъ къ нимъ и палъ предъ ними на колѣни. — „Позвольте“, — говоритъ, — „усюрататься четвертый разъ и тогда что хотите, то и дѣлайте со мной“. Дѣвушки согласились и на четвертый разъ. Пошелъ Яковъ къ крыльцу, думая, гдѣ бы усюрататься. Тутъ случайно встрѣтилъ служанку дѣвицъ и ей стало жаль Якова. Она была изъ знающихъ и сказала ему шопотомъ, чтобы не услышали дѣвицы: „ты выпросись итти по большому крыльцу. Тамъ увидишь окошечко, а за окошечкомъ зеркало. Вотъ за это зеркало и спрячься: онѣ тебя не найдутъ, не увидятъ“. Вернулся Яковъ къ дѣвицамъ и сталъ просить позволенія итти по большому крыльцу. Дѣвушки долго не соглашались пустить его итти по большому крыльцу; наконецъ, усиленная просьба Якова склонила къ соглашенію. Вышелъ Яковъ и пошелъ по большому крыльцу. Тамъ, по словамъ служанки, увидаль окно, а за нимъ — зеркало. Сталь онъ за зеркало и стоять. Дѣвушки метали, метали соломинками — узнать не могли, и заплакали. — „Ну, иди“, — сказали онѣ, возвысивши голосъ. Яковъ пришелъ къ нимъ, взялъ ихъ за руки и повелъ; а чтобы онѣ не улетѣли опять, снялъ съ нихъ драгоценныя одежды и завязалъ ихъ въ платокъ и вмѣсто дорогихъ надѣлъ на нихъ худыя. Привелъ ихъ къ старику и платокъ съ платьями заперъ въ шкапъ. А старика уже нѣтъ въ живыхъ; вмѣсто него въ домѣ хозяйничаютъ одни слуги, которыхъ взялъ онъ послѣ Якова.

Живетъ Яковъ въ домѣ старика и хозяйничаетъ. Изъ-за дѣвицъ-красавицъ слуги стали замышлять убить Якова; но убить его не убили, а стали требовать выдачи дѣвицъ подѣ страхомъ смерти. — „Возьмите ихъ“, — сказалъ Яковъ и отступился отъ дѣвицъ. Первый изъ слугъ, который взялъ себѣ дѣвицу, отдалъ ей драгоценное платье и она улетѣла. Другой крѣпился долго, — не отдавалъ платья. Наконецъ, и онъ отдалъ. Улетѣла и другая. Яковъ опять пошелъ искать дѣвицъ. Шелъ, шелъ онъ, много ли, мало ли — дошелъ до медвѣжьей берлоги. Спустился въ эту берлогу и тамъ засталъ однихъ медвѣжатъ. Онъ сталъ играть съ медвѣжатами. Наигрался, выползъ изъ берлоги и опять пошелъ. Вернулась медвѣдица въ свою берлогу и медвѣжата сказали ей, что былъ у нихъ человекъ; поигралъ-де съ ними и ушелъ. Медвѣдица погналась за Яковымъ. Догнала его и взяла въ лапы. Принесла его къ бревну и бревно положила на него. Якова бревномъ задавило и онъ тутъ умеръ. Медвѣдица сняла съ головы его черепъ и мозгъ съѣла. Такъ Яковъ и кончилъ жизнь“.

Волки—оборотни.

(Разсказъ *Ядыгара*).

Въ извѣстной мнѣ деревнѣ жилъ охотникъ, человѣкъ среднихъ лѣтъ. Онъ дичь стрѣлялъ мало, больше ловилъ въ капканы и силки, которыхъ ставилъ множество. Недалеко отъ деревни были два бора: одинъ четырехугольный, другой трехугольный. Въ этихъ борахъ водилось множество рябчиковъ, тетеревей и глухарей. Забѣгали туда и зайцы. Однажды поставилъ онъ силки въ четырехугольномъ бору. Здѣсь устроенъ былъ имъ и шалашъ. Въ шалашѣ этомъ онъ иногда и спалъ. Наставилъ силковъ и зашелъ въ шалашъ закусывать и отдохнуть. Это было утромъ. Какъ только солнце поднялось высоко, рябчики засвистали, тетерева затокали. Это значило, что птицы эти собираются рыться въ песокъ между деревьями. Силки были поставлены тамъ, гдѣ ходили и рылись въ песокъ птицы. Въ шалашѣ онъ сидѣлъ и лежалъ долго, до вечера. Наконецъ пришло время посмотреть силки. Вышелъ изъ шалаша и направился къ силкамъ, думая, что если-де ловля будетъ хорошая, онъ приобрететъ капиталецъ. Съ такой думой сталъ онъ осматривать силки. Посмотрѣлъ тотъ, другой, третій силокъ. Во всѣхъ силкахъ оказались рябчики, которые бился изъ всѣхъ силъ, чтобы оторвать свои силки. Охотникъ съ радости и не сталъ собирать свою дичь, а бѣгомъ вернулся домой позвать на помощь своего сѣдого отца, который въ молодости тоже былъ охотникомъ. Отецъ обрадовался счастью сына и пошелъ въ боръ, чтобы помочь сыну убрать дичь. Пришли въ боръ и къ немалому огорченію видятъ, что всѣ силки порваны и рябчики улетѣли. Наставили опять вдвоемъ множество силковъ и ушли въ шалашъ, думая, что рябчики опять попадутся. Просидѣли въ шалашѣ долго и ушли къ силкамъ. Силки всѣ оказались пустыми, т.-е. ни въ одинъ птица не попала. Охотникъ съ печалью собралъ силки и отца проводилъ домой. Послѣ проводовъ отца, онъ ушелъ въ трехугольный боръ, думая, что птицы улетѣли туда. Поставилъ здѣсь тоже множество и ушелъ въ шалашъ, который былъ устроенъ и здѣсь, какъ въ четырехугольномъ бору. Сидя

въ шалашѣ, онъ и теперь думалъ, что если-де ловля будетъ хорошая, онъ сколотитъ капиталецъ. По прошествіи нѣкотораго времени, пришелъ къ силкамъ... Посмотрѣлъ всѣ силки, но они оказались нетронутыми, только въ два силка, какъ видно, попадались рябчики, но—оторвавши силки—улетѣли. Наставилъ опять, гдѣ было нужно, и ушелъ.—„Не стану теперь дожидаться здѣсь. Уйду домой и приду черезъ два-три дня“—сказалъ онъ мысленно и ушелъ домой. Черезъ нѣсколько дней опять пришелъ посмотреть. Опять ни въ одинъ силокъ рябчикъ не попался. Изъ этого бора онъ ушелъ въ поле и тамъ, среди него, поставилъ десять крѣпкихъ силковъ. Онъ думалъ, что можетъ быть-де попадется какой-нибудь звѣрокъ. Поставилъ и ушелъ. Черезъ день, другой пришелъ туда. Посмотрѣлъ, и на мѣстѣ одного силка увидалъ волчьи слѣды, а самого силка тутъ нѣтъ: видимо, волкъ попалъ и ушелъ съ силкомъ. Силокъ онъ на этомъ мѣстѣ уже не поставилъ: „довольно“—сказалъ онъ—„девяти силковъ“. Онъ слѣлалъ въ сосѣдствѣ съ силками шалашъ и сталъ тамъ сидѣть и высматривать въ сдѣланное окошечко, какіе звѣрки будутъ ходить около силковъ и кто попадется въ ловушку его. Онъ ждалъ, ждалъ, смотрѣлъ въ сторону силковъ и вдругъ увидалъ, что къ шалашу его идетъ много волковъ. Пришли они къ шалашу, остановились у него и стали выть. Они, почувявъ живое мясо, стали окружать шалашъ. Охотникъ, испугавшись, заперся крѣпко. Волки стали грызть и царапать шалашъ. Наконецъ, шалашъ удалось имъ уронить и подъ развалинами его охотникъ погибъ. Охотника дома ждали долго, но онъ не вернулся. Ушли искать его отецъ и мать. Отецъ взялъ съ собой и заряженное ружье, порохъ и дробь. Пришли къ шалашу и около него увидали слѣды волковъ.—„Не волки ли его съѣли?“—подумали они и пошли по слѣдамъ волковъ. Шли они и вездѣ стали находить разбросанные силки, а волковъ самихъ не видно.—„Зачѣмъ итти къ волкамъ? Они насъ съѣдятъ“,—сказала мать охотника.—„Надо стрѣлять волковъ“,—возразилъ на это старикъ. Старуха на это ничего не сказала и пошла за старикомъ. Шли, шли они и дошли до волковъ. Волки, какъ только увидали ихъ, заговорили по-человѣчьи:—„Пойдемъ къ нимъ навстрѣчу и растерзаемъ ихъ“—сказали они. Прибѣжали къ нимъ и стали ихъ рвать и ѣсть... Сосѣди-односельцы, узнавши, что охотникъ и родители его долго не возвращаются, ушли искать ихъ и пришли къ нимъ въ то самое время, когда

ихъ волки рвали по частямъ. Волки, увидавши ихъ, заговорили опять по-человѣчьи: „Это кто идетъ къ намъ?“— „Зачѣмъ они говорятъ по-человѣчьи?“— въ свою очередь стали говорить мужики, удивленные разговорами волковъ. Мужики осмѣлились подойти къ волкамъ ближе. и послѣдніе спросили ихъ:— „Вы зачѣмъ сюда пришли?“— „Ищемъ людей, которые ушли въ поле и не вернулись“,—отвѣтили мужики.— „Мы съѣли ихъ, но не знаемъ, кто они“,—отвѣтили волки. Мужики, услышавши это, сильно испугались и побѣжали домой.— „Куда бѣжите?“—кричали имъ вслѣдъ волки... Мужики не отвѣчали, только бѣжали.— „Давайте и ихъ съѣдимъ“—заговорили между собою волки и погнались за убѣгающими мужиками. Мужики такъ испугались, что упали на землю. Волки набѣжали на нихъ и хотѣли растерзать ихъ, но они, мужики, стали упрашивать волковъ, чтобы они не трогали ихъ. Волки пожалѣли ихъ и не тронули.— „Ступайте къ односельцамъ и скажите имъ, что вы видѣли волковъ Степановъ Иванычей“,—сказали волки мужикамъ.— „Хорошо, все скажемъ“,—отвѣтили мужики и ушли домой. Пришедши въ деревню, мужики сказали односельцамъ, что они видѣли волковъ, долгохвостыхъ Степановъ Иванычей. Мужики собрались на сходку и на ней порѣшили идти на волковъ съ ружьями и саблями. Пришли и увидали волковъ. А волки, увидавши ихъ, заговорили по-человѣчьи:— „Какой-де это народъ идетъ къ намъ?“ Мужики разстрѣляли ихъ и затѣмъ послали въ деревню за лошадьми, чтобы увести убитыхъ волковъ. Когда мужики, въ ожиданіе лошадей, караулили волковъ, послѣдніе стали оживать и мужики опять стали ихъ стрѣлять. Наконецъ пріѣхали посланные и телѣги наполнили мертвыми волками. Увезли ихъ домой и оттуда отправили неободранныхъ продавать. Въ числѣ убитыхъ волковъ одинъ былъ необыкновенно легокъ, но и его продали. Продавши волковъ, мужики вернулись съ радостью и раздѣляли деньги. Дали деньги и тѣмъ, кто былъ на облавѣ. Черезъ нѣсколько времени закупщики убитыхъ волковъ пріѣхали въ деревню и сказали, что волки ожили и разбѣжались, оторвавши закупщикамъ носы, только-де на бѣду и на изьянъ купили волковъ. И стали требовать закупщики волковъ деньги обратно. Мужики денегъ обратно не дали. Закупщики вернулись обратно домой. Тѣмъ дѣло и кончилось. „Это были не настоящіе волки, а обоченные въ волковъ люди“,—сказали мужики.

Попъ — нылъ (поповна).

(Разказъ *Кама*).

Подъ словомъ „попъ — нылъ“ (поповна) должно разумѣть дочь не христіанскаго священника, а жреца, которыхъ мѣстами называютъ попами.

„Въ одной деревнѣ жена попа съ малолѣтней дочерью ушла въ баню париться и мыться. Попарившись и помывшись, онѣ ушли домой. Дома дочери надо было обуться, да лаптей не оказалось: зашла ихъ въ банѣ. Сказала объ этомъ матери и послѣдняя обругала ее шайтаномъ. Дочь молча вышла изъ избы и направилась къ банѣ. Зашла она въ баню за лаптями и тамъ шайтаны взяли ее въ свою семью, а вмѣсто нея послали съ лаптями къ попу дѣвочку изъ своей семьи, имя которой было Уня. Она была похожа лицомъ на дочь попа. Уня совсѣмъ не росла и оказалась сиднемъ. Мать думала, что она такую и родилась и, конечно, и въ мысляхъ не имѣла, что это — ребенокъ шайтановъ. Ее въ семьѣ не любили. А дочка попа жила у шайтановъ. О судьбѣ ея ни отецъ, ни мать совсѣмъ не знали. Она росла, какъ настоящій человекъ и стала уже невѣстой. Наконецъ, шайтаны сказали ей: „Прійми себѣ жениха и отпустишь тебя“. И стала она пріискивать себѣ жениха. А чтобы понравиться женихамъ, начала одѣваться въ шелковыя платья.

Однажды, поздно вечеромъ, холостой парень, сынъ попа, спустился къ рѣчкѣ съ лошадыю, чтобы напоить ее, а на берегу этой рѣчки стояла баня попа. Въ то время, когда парень держалъ лошадь за поводъ узды и послѣдняя пила воду, вдругъ подошла къ парню въ шелковомъ платьѣ дѣвушка, вышедшая изъ бани и спросила его, не возьметъ ли де ее замужъ? А кто была эта дѣвушка — уже извѣстно. Она была та самая, которую взяли шайтаны, а свою дочь, Уню, послали къ попу. Парень ее не зналъ и, какъ незнакомой,

отвѣтили, что замужъ ее не возьмешь. — „Если не возьмешь, я тебя убью“, — сказала на это дѣвушка. Парень напоилъ коня и пошелъ. вѣдя послѣдняго за узду. Дѣвушка пошла за нимъ. Зашла она въ избу и въ тотъ же моментъ бросилась ей въ глаза Уня. — „Бросьте эту дѣвушку за окно. Она — не человѣкъ, а дочь шайтановъ“, — сказала дѣвушка семейнымъ, при чемъ рассказала исторію обмѣна, и семейные повѣрили ей и выбросили Уню за окно. Въ ту же минуту подъ окномъ шайтаны заговорили: „Уня! Уня!“ Такъ и избавилась дѣвушка отъ шайтановъ“.

Къ основанію такого разсказа послужило повѣрье, что если ребенокъ родился сиднемъ, то это — подмѣненный ребенокъ, что онъ — дитя нечистыхъ духовъ, а настоящее унесено шайтанами за то, что матери ругали ихъ.

Подобное повѣрье существуетъ и у русскихъ.

Сапожникъ и силачъ-малышъ.

Сапожникъ, не имѣющій собственнаго дома, ходилъ по деревнямъ, ища себѣ работы. Пришелъ въ одну деревню и тамъ мужикъ заказалъ ему шить сапоги. Сапоги заказчику очень понравились и онъ расхвалилъ мастера другимъ. Сапожникъ шилъ сапоги и другому заказчику, но этому сапоги почему-то не понравились, и онъ мастеру денегъ за работу сполна не заплатилъ. Сапожникъ подалъ жалобу на мужика судьямъ. Мужикъ далъ судьямъ денегъ, и послѣдній въ жалобѣ сапожнику отказалъ. Тогда сапожникъ подалъ жалобу старшему судьямъ, и старшій судья приказалъ сапожнику и младшему судьямъ явиться къ себѣ. Сапожникъ съ младшимъ судьей сѣли въ телѣгу и поѣхали. Ъхали они много-ли, мало-ли по открытому полю и пришлось ѣхать лѣсомъ. Опять ѣхали они лѣсомъ много-ли, мало-ли и увиѣли въ лѣсу избушку. Остановились у избушки и зашли въ нее. Въ избушкѣ увидали двухъ мужиковъ огромнаго роста. Одинъ мужикъ, вѣроятно, зналъ сапожника и говоритъ ему: „Сапожникъ! сшей ты мнѣ сапоги сейчасъ же. Если не сошьешь—я тебя убью“. — „Какъ тебѣ я сошью, когда у меня нѣтъ съ собой ни шила, ни иратвы, ни товару,“ — отвѣчалъ на это сапожникъ. — „Все это у насъ найется.“ — продолжаетъ великанъ. — „Хорошо, сдѣлаю; только согласится-ли подождать мой товарищъ“, говоритъ опять сапожникъ. Сапожникъ остановился, а судья, испугавшись великановъ и не желая ждѣть сапожника, убѣжалъ. Сапожникъ, оставшись у великановъ, тоже сталъ бояться ихъ и, улучивъ время, какъ судья, убѣжалъ и скрылся. Шелъ онъ лѣсомъ много-ли, мало-ли, услыхалъ за собой погоню: погнались за нимъ великаны. Спрятаться было негдѣ, и онъ взобрался на высокое дерево и сталъ сидѣть на вершинѣ его. Преслѣдователи замѣтили присутствіе его и стали рубить дерево. Рубили, рубили они, и дерево начало падать. Сапожникъ, когда дерево начало падать, прыгнулъ и ухватился за вѣтвь стоящаго рядомъ лиственнаго дерева; спрятался въ листьяхъ его и сидѣлъ, а погонщикамъ его не

видно. Когда срубленное дерево свалилось, а сапожника на немъ оказалось, погонщики подумали, что сапожникъ вошелъ внутрь дерева, и они стали рубить дерево на части. Дерево оказалось дуплистымъ и изъ него выбѣжала ящерица. Погонщики въ восторгъ сказали, что сапожникъ находится въ деревѣ, что палець его уже отрубленъ (они приняли ящерицу за палець его). Пересѣкли они ящерицу и стали дерево рубить на мелкія полѣнья. Изрубили дерево—сапожника не нашли и съ досады стали между собою ругаться. Ширѣ, далѣ—стали уже драться. Въ дракѣ одинъ другого засѣкъ топоромъ. И остался великанъ безъ товарища. Сапожникъ, когда соскочилъ съ дерева и ухватился за вѣтвь другого, тихонько сползъ съ дерева и убѣжалъ. Отошелъ онъ недалеко и опять взобрался на высокое дерево. Великанъ, убившій товарища, сталъ бродить по лѣсу. Увидаль онъ дерево, на которомъ сидѣлъ сапожникъ, и сталъ рубить его на дрова. Когда дерево начало валиться, сапожникъ опять спрыгнулъ на другое дерево, и когда великанъ рубилъ дерево, едучая, что на немъ скрывается человѣкъ, сапожникъ убѣжалъ и великанъ остался тутъ-же. Бѣжалъ сапожникъ много-ли, мало-ли—убѣжалъ изъ лѣсу и пришелъ въ деревню. Зашелъ въ одну избушку и тамъ на шесткѣ, въ золѣ, увидаль сидня, который оказался двенадцатилѣтнимъ.—„Гдѣ твой отецъ и мать?“ спрашиваетъ сапожникъ сидня.—„Они молотятъ на гумнѣ“,—отвѣчаетъ парень-сидень. А въ это время на шесткѣ, рядомъ съ сиднемъ, былъ горнъ, подь которымъ въ висячемъ котлѣ что-то варилось.—„Что у васъ варится на шесткѣ?“ спросилъ сапожникъ сидня.—„Пиво“,—отвѣчаетъ парень.—„Дай мнѣ этого пива“,—проситъ сапожникъ. Парень слѣзъ съ шестка и откуда-то принесъ онъ цѣлую корчагу пива.—„Ну, пей“,—угощаетъ сапожника сидень.—„Выпей сначала самъ“,—говоритъ сапожникъ. Парень-сидень выпилъ цѣлую корчагу пива и принесъ еще четыре корчаги. Сапожникъ велѣлъ выпить пиво и изъ этихъ корчагъ самому же ему. Онъ выпилъ все это пиво одинъ и сапожникъ сталъ звать его съ собой. Парень согласился. Взяли они съ собой, что было нужно, и пошли. Шли они много-ли, мало-ли—и пришли въ лѣсъ. Въ лѣсу они остановились у двухъ одинаковыхъ толщиной деревьев и стали препираться между собой, которому срубить дерево прежде. Сапожникъ говоритъ: „я срублю прежде“. Сидень-парень возражаетъ, что онъ срубить мигомъ. Рубили, рубили—дерево сапожника свали-

лось прежде. Тогда стали биться объ закладъ, кто кого убьетъ однимъ ударомъ кулака? Сначала ударилъ сапожника сидень-парень, и отъ удара его переломились всѣ кости сапожника. Послѣ этого парень-сидень сталъ чувствовать въ себѣ необыкновенную силу. Оставилъ онъ изувѣченнаго имъ сапожника и пошелъ въ городъ. Шелъ онъ по дорогѣ и встрѣчается съ ѣдущимъ въ телѣгѣ. Тутъ сидню-парню опять захотѣлось подраться—пробовать силу. Но какъ начать драку безъ причины? И кричитъ онъ встрѣчному: „сворачивай съ дороги! Видишь, иду я“. — „А ты развѣ не видишь, что я ѣду въ телѣгѣ“, — возражаетъ ѣдущій въ телѣгѣ. „А, ты вздумалъ еще грубіянить!“ сказалъ на это парень и ударилъ встрѣчнаго кулакомъ. Ёздокъ тутъ-же умеръ. Затѣмъ силачъ ударилъ лошадь ёздока, и она издохла. Довольный тѣмъ, что убилъ ёздока съ лошадей, парень-силачъ пошелъ. Шелъ онъ много-ли, мало-ли—увидѣлъ медвѣдя. Сталъ онъ и медвѣдя вызывать на поединокъ; но медвѣдь бороться съ нимъ отказался. — „Ну, ударь меня кулакомъ“, — сказалъ силачъ-сидень. Медвѣдь ударилъ его по спинѣ изо всей силы, но парень отъ удара его не почувствовалъ и малѣйшей боли. Затѣмъ ударилъ медвѣдя силачъ и сразу убилъ его. Взялъ онъ медвѣдя себѣ на плечи и понесъ. Шелъ онъ много-ли, мало-ли—встрѣтился съ пѣшеходомъ. — „Не понесешь ли, братъ, мою ношу на себѣ?“ — спросилъ онъ встрѣчнаго. — „Понесу“, — отвѣтилъ пѣшеходъ и взялъ онъ убитаго медвѣдя на плечи. Шагнулъ пѣшеходъ разъ, другой и понесся какъ вѣтеръ. Парень-силачъ погнался за нимъ, но его и слѣдъ простыль. И пошелъ парень опять по лѣсной дорожкѣ одинъ. Шелъ, шелъ онъ много-ли, мало-ли—увидѣлъ Нюлэсмурта. И сталъ онъ вызывать Нюлэсмурта на поединокъ. Нюлэсмуртъ ударилъ парня-силача, и онъ тутъ же умеръ. Такъ и кончился парень-силачъ, а Нюлэсмуртъ пошелъ своей дорогой.

Конскій богъ.

(Разсказъ вотяка *Карна*).

„Происшествіе, о которомъ я намѣренъ сообщить сейчасъ случилось со мной въ началѣ посѣва озимей, именно—въ первыхъ числахъ августа, когда у насъ сѣютъ рожь“. — „Надо было приступить къ посѣву озимей, а кони наши паслись въ бору, гдѣ корму было довольно, а паровые представляли выжженные солнцемъ степи. Въ этотъ весь кормъ былъ выѣденъ и вездѣ было черно. Я пригласилъ товарищи своего односельца, Перфила, у котораго лошадей тоже не было. Онъ согласился и мы, взявши узды, пошли искать свои коней въ сторону Кечевской мельницы, близъ которой обыкновенно паслись наши кони. Шли мы сначала по открытымъ низменнымъ местамъ, по которымъ протекала рѣчка, запруженная у Кечевской мельницы; потомъ, когда прошли открытыя мѣста, пришли въ лѣсъ. Здѣсь, я перешелъ за ту сторону, рѣчки, а Перфилу велѣлъ идти по берегу этой стороны, чтобы скорѣе найти лошадей, которыя обыкновенно паслись близъ воды. Итакъ, мы идемъ по обѣмъ сторонамъ рѣчки, перекликаемся другъ съ другомъ, ни мало ни думая, что можетъ случиться съ нами непріятное. Я шелъ по избранному мной правленію, подавалъ голосъ своему товарищу, а онъ откликался. Вдругъ Перфиль на мои крики откликаться не сталъ. Я перешелъ черезъ рѣчку и направился въ ту сторону, откуда былъ слышенъ послѣдній откликъ товарища. Кричалъ долго, громко, но отклика было слышно. Прошелъ Кчевскую мельницу и все иду впередъ держась ближе къ берегамъ рѣчки. Отъ Кчевской мельницы верста въ шести была другая мельница подъ названіемъ „Тудшуръ-вузъ“. Дохожу до этой мельницы и все кричу товарища. Кричалъ долго, громко, но ни его, ни своихъ коней не нашелъ и уставъ голодный вернулся домой, думая, что Перфиль нашелъ коней и

сказавшись мнѣ, вернулся домой. Признаться, по слабости человеческой, я въ умѣ ругалъ его и сердился на него. за то, что онъ не откликался на мои крики. Я думалъ, что онъ нашедши своихъ коней, не сказался мнѣ и уѣхалъ домой. Въ слѣдующій день, подъ вечеръ, я пошелъ къ Перфілу съ цѣлью пожурить его, думая, что онъ вернулся съ конями. Но напрасно я сердился на него: онъ вернулся домой только до моего прихода къ нему и сообщил мнѣ слѣдующее: „Какъ только мы разстались съ тобой“ — сказалъ онъ — „я ушелъ довольно далеко. Впереди меня, совсѣмъ въ другой сторонѣ, кричалъ человѣческій голосъ: „Кони твои здѣсь, кони твои здѣсь!“ А твоего голоса совсѣмъ не слыхалъ. Шелъ я все впередъ, въ сторону голоса. а за собой твоего голоса не слыхалъ. Кто-то все кричалъ „Кони твои здѣсь“, а дойти до самаго кричащаго не могъ. Усталъ ужасно и проголодался, въ добавокъ еще заблудился — совершенно не зналъ, гдѣ я нахожусь. Чувствовалъ что водить меня какой-то таинственный лѣсной духъ. Наконецъ, вспомнилъ объ истинномъ Богѣ. Палъ на колѣни и сталъ молиться, какъ могъ. Просилъ Его вывести меня изъ заблужденія и тѣмъ избавить отъ коварства недобрыхъ духовъ. И тутъ совершилось — можно сказать — чудо. Вдругъ явились предо мною мои кони и я, поймавши ихъ, надѣлъ на каждую узду; сѣлъ на одного изъ нихъ и поѣхалъ, давши волю самому коню идти туда, куда онъ хочетъ; а волю далъ я ему потому, что совсѣмъ заблудился и не зналъ совершенно, куда мнѣ должно идти. Итакъ, я ѣду и веду за собой пойманныхъ лошадей... Вдругъ сталъ выходить изъ лѣса ко мнѣ огромнаго роста и страшнаго вида полу-человѣкъ. полу-бояръ. Одежда на немъ вотская-мужицкая подевка; опоясанъ онъ ремнемъ шириною вершковъ пять, а на огромной головѣ сѣрая шляпа изъ овечьей шерсти грубой работы. Руки его широки, какъ лопата, а ноги какъ есть ноги у лошади. Я страшно испугался и едва держался на своемъ конѣ. А кони мои, не обращая вниманія на страшнаго великана съ лошадиными ногами и шли мимо его. Тутъ же я появился табунъ чужихъ коней. Я опять вспомнилъ истиннаго Бога и перекрестился. Великанъ остановилъ меня и сталъ разговаривать со мной ласково, вѣжливо; училъ меня; какъ надо кормить лошадей, какъ слѣдуетъ ухаживать за ними и какой масти держать ихъ: при этомъ добавилъ, что онъ лошадей „своихъ“ любить и кормить ихъ, ухаживаетъ за ними въ полѣ и конюшняхъ, заботится объ нихъ.

Коснулся и нашей голубой лошади, которая была очень пуглива. О ней, между прочимъ, сказали, что лошадь эту конскій богъ (Вальутъ) не любитъ, что ее пугаетъ онъ, оттого-де она и пуглива. Когда онъ разговаривалъ со мной, табунъ лошадей окружилъ его и всѣ стали ласкаться къ нему, а онъ что-то говорилъ имъ нѣжно, ласково, но нѣжность обращенія его совсѣмъ не соответствовала страшному виду. Это былъ—*конскій богъ*. Поговорилъ онъ со мной еще кое о чемъ и вдругъ его не стало видно. Тутъ я вспомнилъ, что забылъ спросить великана о томъ, въ которую сторону мнѣ нужно ѣхать, что бы быть на дорогѣ. Какъ только я подумалъ такъ, вдругъ выѣхалъ на большой покосъ, среди котораго пролегаетъ большая дорога, и тамъ увидалъ проѣзжающихъ татаръ. — „Куда идетъ эта дорога?“ спросилъ я татаръ. — „Идетъ она въ Вальенъ“.— „А далеко ли до Вальена?“ — „Близко“ — отвѣтили татары и проѣхали. Я поѣхалъ въ эту деревню съ цѣлью переночевать въ ней, такъ какъ время уже было вечернее, а ѣхать домой было не близко, притомъ же ѣхать одинъ безъ товарища боялся. Пріѣхалъ въ деревню и переночевалъ въ ней у знакомыхъ. Утромъ, какъ только стало свѣтать, отправился домой. Черезъ нѣсколько времени кончилъ посѣвы и продалъ голубка, а вмѣсто него купилъ каряго мерина. Держалъ я этого мерина до весны и любовался имъ. Но вотъ пришла весна и мой меринъ захворалъ. Надо пахать, а не на комъ. Это заставило меня обратиться къ ворожейкѣ, чтобы узнать причину болѣзни коня. Певорожила мнѣ ворожейка и рассказала исторію моихъ приключеній въ началѣ посѣва озимовыхъ хлѣбовъ, между тѣмъ объ этомъ я никому не говорилъ. Ворожейка, рассказавши мнѣ исторію моихъ приключеній, посоветовала принести въ жертву пару щукъ въ конскомъ дворѣ и пару — въ отдѣльной конюшнѣ. Тогда — сказала она — конскій богъ поправитъ твоего каряго мерина; будетъ лучше и другой скотъ. Певорожила мнѣ ворожейка и я вернулся домой. А такъ какъ это было весной въ самую пору ловли щукъ, то двѣ пары этой рыбы нашелъ легко, каждая рыба была длиной не менѣе двухъ четвертей. Принесъ я въ жерву пару щукъ на конскомъ дворѣ и пару въ отдѣльной конюшнѣ, и конь мой выздоровѣлъ и сталъ еще лучше.

По словамъ рассказчика, при жертвоприношеніи щукъ ихъ отнюдь не перевариваютъ и костей не раздробляютъ.

В у н о - п е р и .

(Вумуртъ Кышно).

— „И я на своемъ вѣку видалъ виды“, — сказала содоть Федотъ, приготавлиаясь къ повѣствованію о видѣніи имъ женщины — вумуртъ (водяныхъ духовъ). Разказъ свой Федотъ предложилъ вниманію слушателей, изъ которыхъ нѣкоторые говорили о привидѣніяхъ, о томъ, кто что видѣлъ.

— „Это было весной, предъ разливомъ рѣкъ, т.-е. до выпуска воды, изъ мельничныхъ прудовъ. Въ деревнѣ нашей была пирушка, а у меня муки уже не было. Чтобы не остаться безъ муки, должно было поспѣшить на мельницу до выпуска воды. Насыпалъ я въ мѣшки жита и отправился на мельницу. Мельникомъ былъ русскій мужикъ, любившій выпивать. Зашелъ въ помольную избу и тамъ мельника засталъ спящимъ послѣ изрядной выпивки. Я разбудилъ его кое-какъ и сказалъ ему, что привезъ молотъ жита. Онъ велѣлъ насыпать его въ ковшъ мнѣ одному и пустить мельницу въ дѣйствіе. Сказалъ и опять легъ спать. Я видѣлъ, что онъ не въ силахъ помочь мнѣ и вышелъ изъ помольной избы. Мѣшки съ житомъ унесъ на мельницу и, насыпавши жита въ ковшъ, мельницу пустилъ въ ходъ. Воды было много, и мельница молола хорошо. Я стоялъ у ларя и смотрѣлъ, какъ сыплется мука. Прошло нѣсколько времени и подъ мельницей, у самага водяного колеса, что-то вдругъ затрещало, и мельница остановилась совсѣмъ. А такъ какъ это было уже ночью и мельница освѣщалась лампой, поставленной въ фонарь, то я взялъ фонарь и сталъ осматривать кругомъ, не увижу ли какой-либо порчи. Но ничего особеннаго не увидѣлъ. Удивленной остановкой мельницы, я ушелъ въ помольную избу будить мельника, который спалъ крѣпко; но разбудить его не удалось. Вернулся опять на мельницу... Заглянулъ подъ мельницу и ужаснулся. Тамъ увидалъ на валѣ мельничнаго

колеса страшнаго вида женщину, расчесывающую свои длинные волосы. Не помня себя отъ страха, я закричалъ и выбѣжалъ изъ мельницы. Когда я подходилъ къ помольной избѣ, мельница опять пошла въ ходъ. Но вернуться одинъ на мельницу не осмѣлился, а рѣшилъ непремѣнно разбудить мельника; тѣмъ болѣе, что жита въ ковшѣ уже было немного, надо было насыпать, иначе — безъ жита — жернова могли накалиться и вызвать пожаръ. Въ послѣднемъ случаѣ вся отвѣтственность могла пасть на меня и тогда могли меня обвинить и подвергнуть наказанію и взысканію. Пришелъ я къ мельнику, но сколь его ни будилъ — разбудить опять не могъ. И долженъ былъ вернуться въ мельницу одинъ. Мельница молота бойко. Посмотрѣлъ въ ковшъ. Тамъ жита уже было мало, и я насыпалъ остальное жито... Сколь не боялся, однако, свое дѣло не забылъ. Въ виду малаго количества въ ковшѣ жита, сталъ муку сыпать въ мѣшки. Оглянулся въ сторону вѣсовъ и увидалъ тамъ стоящимъ какого-то человѣка — мужчину, величиной не менѣе четырехъ аршинъ. Онъ смотрѣлъ на меня, и я смотрю на него. Такъ другъ на друга смотрѣли молча. Я сначала принялъ его за бродягу и думалъ что онъ мнѣ зла не сдѣлаетъ, если попросить хлѣба — дамъ. Бродягъ на своемъ вѣку я видалъ, но ничего худого они мнѣ не сдѣлали. Такъ и въ данное время не особенно испугался. Смотрѣлъ на меня таинственный посетитель и вдругъ исчезъ. Тутъ меня объялъ страхъ и, остановивши мельницу, ушелъ въ помольную избу. Тѣмъ временемъ мельникъ уже проснулся. Я рассказалъ ему о своемъ видѣніи, но онъ не повѣрилъ. Послѣ меня помольщиковъ уже не было, и мельницу мельникъ заперъ на замокъ. Пришли въ помольную избу и легли спать. Но мнѣ послѣ ужасныхъ видѣній не спалось — все мерещилась страшная женщина и страшный мужчина. Утромъ, какъ только стало разсвѣтать, я, съ помощью мельника, положилъ мѣшки въ сани, взвѣсивши ихъ и заплативши мельнику за размоль. Рассчитался съ мельникомъ и уѣхалъ домой. Бдучи домой, почувствовалъ расслабленіе и ломоту. Значить, я захворалъ, притомъ же и во снѣ стали преслѣдовать меня видѣнія на мельницѣ. Отецъ и мать еще были живы и стали замѣчать, что я не совсѣмъ въ умѣ. Вотъ и рѣшили они отправиться въ Черемисскую Бобью къ ворожейкѣ узнать причину моей болѣзни. Ворожейка поворожила и сказала, что надо испечь изъ муки, которая смолота на мельницѣ съ привидѣніями, прѣсные хлѣбы, найти дикую

утку и принести ее въ жертву на водяномъ колесѣ. Когда-де исполните это, тогда пройдетъ и болѣзнь. Вернулся отецъ отъ ворожейки и сталъ искать дикую утку; а въ это время дикія утки уже были. Нашли дикую утку и принесли ее въ жертву съ прѣсными хлѣбами на мельничномъ колесѣ, гдѣ мнѣ показалась женщина вумуртъ (Вуко-марья)... Болѣзнь моя прошла, и я сталъ совершенно здоровъ. Но вотъ послѣ весны и лѣта наступила осень, и я сталъ охотиться за дичью. Во время охоты я взобрался на елку и съ нея упалъ, такъ что ушибся чуть не до смерти. Еле живого привезли меня домой и увезли въ больницу. Однако, прежнее здоровье не вернулось, и я началъ похварывать. Съ тѣхъ поръ на охоту совсѣмъ не хожу*, заключилъ свое повѣствованіе о привидѣніяхъ Федотъ.

Покройница—колдунья.

(Кулэмь-убирь).

Одинъ барышникъ закупилъ на убой быковъ. Купилъ онъ сорокъ головъ. Погналъ свой скотъ въ городъ продавать мясникамъ. и ему предстояло переночевать въ деревнѣ. Время было уже вечернее, и онъ остановился у деревни, чтобы утромъ, послѣ кормления своего скота, опять отправиться въ путь. До города уже было не далеко. Въ деревнѣ онъ просился къ тому, другому мужику, но его съ быками не пустили. Можетъ быть и пустили бы, да дворы мужиковъ были очень тѣсны, а для сорока штукъ быковъ мѣста понадобилось бы много. Дѣлать было нечего, нужда заставила остановиться съ быками у деревни, гдѣ было старое языческое кладбище; а на немъ трава росла густая и сочная. Быки стали щипать траву, не расходились кто куда. Онъ легъ на землю и сталъ смотрѣть на быковъ. думая, что продастъ ихъ въ городѣ съ большимъ барышомъ, а быки были жирны. Лежалъ онъ долго, смотрѣлъ на быковъ... Вдругъ прекратилось ему такое видѣніе. Не далеко, въ сосѣдствѣ съ нимъ, изъ земли (изъ могилъ) стали выходить мертвецы въ бѣлыхъ саванахъ. съ коромыслами на плечахъ и ведрами. Окружили мертвецы быковъ и стали ихъ колоть какъ мясники, и кровь закалываемыхъ животныхъ стали цѣдить въ свои ведра; затѣмъ, нацѣдивши полныя ведра. вылили изъ ведеръ въ тѣ мѣста, откуда вышли, а вышли они изъ норъ, которыя шли въ землю вертикально. Закололи всѣхъ быковъ. кромѣ одного, и спустились въ норы, въ которыя вылили кровь быковъ. Заколотые быки лежали мертвыми. Барышникъ смотрѣлъ на это съ недоумѣніемъ. Онъ хотя и былъ не изъ трусливыхъ, однако, не осмѣлился издать ни малѣйшаго звука. Что это значитъ? Какіе это люди закололи моихъ быковъ?—говорилъ онъ себѣ мысленно. Когда онъ думалъ такъ, вдругъ увидалъ проходящую мимо него женщину.

— Куда идешь?—осмѣлился онъ спросить.

— Иду на свадьбу, — отвѣтила она и прошла.

— Это, вѣроятно, женщина Кулемъ-убиръ, — сказалъ себѣ мысленно барышникъ и ушелъ на то мѣсто, откуда появилась женщина.

Пришелъ онъ на мѣсто появленія женщины и увидѣлъ открытую, неглубокую могилу, а въ могилѣ — гробъ, но пустой. Барышникъ былъ человекъ неустрашимый и слыхалъ, вѣроятно, о кулемъ-убирахъ, и потому въ ту жъ минуту онъ взялъ гробовую крышку и унесъ ее на свое мѣсто, и сѣлъ на нее.

Сидитъ барышникъ на гробовой доскѣ и ждетъ, что будетъ дальше. Прошло нѣсколько времени, и мимо барышника стала проходить та же женщина, съ которой уже встрѣтился онъ.

— Куда ты ходила? — спросилъ барышникъ женщину.

— Я ходила на свадьбу, — отвѣчаетъ женщина.

— Что тамъ дѣлала?

— Взяла съ темени головы невесты бѣлый волосокъ, а изъ челюсти ея — коренной зубъ.

— Что же стало съ невестой?

— Она умерла.

Отвѣтивши на всѣ вопросы барышника, колдунья (это была она) — покойница ушла. Спустилась она въ свою могилу, но тамъ гробовой доски не нашла. Вернулась она къ барышнику.

— Дай крышку отъ моего гроба, — требуетъ колдунья-покойница.

— Зачѣмъ погубила невесту? — говоритъ на это барышникъ.

Женщина молчитъ. Барышникъ сидитъ на гробовой доскѣ и въ то-же время страшно злится на женщину колдунью; но свою злость ни чѣмъ особеннымъ не выражаетъ. Колдунья же только молчитъ.

— Пойдемъ къ умершей невестѣ и оживи ее. Иначе гробовую доску не получишь, — наконецъ, говоритъ барышникъ.

Женщина молчитъ.

— Рѣшай скорѣе; не то я съ крышкой уйду и тебѣ нельзя будетъ попасть въ могилу, — въ приказательномъ тонѣ говоритъ еще барышникъ.

Женщина думала, думала и нехотя сказала:

— Пойдемъ... Иди за мной.

Пришли къ невестѣ и ее барышникъ видитъ мертвой. Колдунья взятый съ собой волосокъ положила въ то мѣсто, откуда взяла его, а зубъ вложила въ челюсть. Какъ только она вложила зубъ, невеста

стала дышать и, видимо, просыпаться. Ожививши мертвую невесту, колдунья изъ избы вышла; вышелъ за ней и барышникъ. Пришли на кладбище, и барышникъ возвратилъ ей гробовую крышку. Она взяла крышку и бросила ее въ могилу; вслѣдъ за симъ и сама, оборотившись въ мышку, спустилась въ могилу, и могила зарылась сама собой, на мѣстѣ же могилы образовалась мышья нора. Барышникъ съ однимъ быкомъ отправился въ городъ.

Что было дальше—разказчикъ не сообщилъ.

Б а н н ы е д у х и .

— Банные духи (мынчо - муртъ)—людоѣды, какъ и „убиры“.

„Въ началѣ зимы въ деревняхъ дѣвушки устраиваютъ посидѣлки для пряденія льна и конопли и для разныхъ рукодѣлій; а посидѣлки у нихъ бывають, какъ извѣстно, въ баняхъ, послѣ того, какъ всё выпарятся.

Въ тотъ длинный зимній вечеръ, въ который дѣвушки сидѣли въ банѣ, въ деревнѣ была мѣрская сходка, которая продолжалась до полночи. Когда на сходкѣ покончили всё дѣла и совѣтчики стали расходиться, одинъ молодой мужикъ, любящій ходить по посидѣлкамъ, спустился подъ гору къ рѣчкѣ, гдѣ былъ устроенъ прудокъ. На берегу прудка стояла баня, принадлежавшая нѣсколькимъ семействамъ. Вотъ въ этой банѣ и должны были сидѣть дѣвушки. Вышедши изъ избы, въ которой происходилъ мѣрской совѣтъ, мужикъ направился къ банѣ, думая застать тамъ дѣвушекъ, чтобы провести съ ними нѣкоторое время и послушать рассказы ихъ о разныхъ привидѣнiяхъ, о которыхъ рассказывалось въ обществѣ охотнѣе. Отворилъ дверь и зашелъ въ баню. Въ банѣ было темно... Онъ подумалъ, что дѣвушки огонь погасили ради шутки или съ другой цѣлью, и безбоязненно зашелъ въ баню, какъ и прежде заходилъ; между тѣмъ, какъ оказалось, дѣвушекъ тамъ уже не было: онѣ разошлись по домамъ. Какъ только онъ вступилъ за порогъ банной двери, его поймали банные духи, мынчо - мурты (то же, что и мынчо - кукники). Мынчо - мурты сняли съ него одежду, потомъ содрали съ него, живого, шкуру, изрѣзали ее полосами и положили на каменку жариться. Когда шкура мужика изжарилась, мынчо-кукники въ разныхъ углахъ бани стали ѣсть эту шкуру, приглашая къ себѣ другъ друга въ гости, а мужика, еще живого, не отпускають. Черезъ нѣсколько времени пришелъ въ ту же баню другой мужикъ и его тоже поймали. Мужикъ слышалъ стоны и слова перваго мужика и сказалъ: „Остэ, Инмаре“ (Господи, благослови!). Какъ только сказалъ онъ эти слова, мынче-кукники от-

ступили отъ него и онъ, вышедши изъ бани, побѣжалъ домой безъ оглядки. Одинъ изъ мынчо-кукниковъ погнался за нимъ, но не достигъ его. Мужикъ заперъ за собой крыльцо, благословясь, и считалъ себя спасеннымъ. „Ладно, что успѣлъ зайти, а то былъ уже въ моихъ рукахъ“, — сказалъ мынчо-кукникъ и вернулся въ баню.

Мужикъ дома разсказалъ о случившемся съ нимъ и, особенно о первомъ мужикѣ. Сообщили и семейнымъ перваго мужика, и тѣ собрались и, пригласивши еще нѣсколько человѣкъ, ушли въ баню. Въ банѣ мужика нашли задавленнымъ мынче-кукниками и оставили его тамъ до утра. Какъ только разсвѣтало, деревенскіе, по просьбѣ семейныхъ убитаго мынчо-муртами, собрались на совѣтъ и рѣшили баню сожечь. Сошли они подъ гору... Обложили баню соломой и соломѣ зажгли. Когда баня запылала, мынчо-кукники стали перелетать въ видѣ пѣтуховъ, въ другую баню. На одного мынчо-мурта мужики бросились съ палками, стали швырять въ него, но убить не могли. и онъ скрылся. Баня сгорѣла на глазахъ мужиковъ, и послѣдніе ушли домой.

Послѣ этого мынчо-мурты стали проказничать въ другой банѣ. куда перешли въ видѣ перелетающихъ пѣтуховъ. Мужики сожгли и эту баню. Тогда мынчо-кукники перешли въ поле. Одинъ мужикъ, участвовавшій въ сожженіи бани, ушелъ въ поле безъ товарищей и тамъ мынчо-кукники задавили его и съѣли.

Банные духи у вотяковъ называются разными именами (мынчомуртъ, мынчо-кузѣ, мынчо-кукникъ, мынчо-почетка) потому въ вышеприведенномъ разсказѣ они названы различно.

Н и щ и й.

Въ одной деревнѣ въ разныхъ домахъ жили два брата—старшій и младшій. Старшій не любилъ нищихъ, ничего имъ не подавалъ: если же что и подавалъ, то подавалъ жалѣя; младшій же братъ принималъ нищихъ и угощалъ ихъ. Такъ они жили по отношенію къ нищимъ всякъ по своему. Зашелъ однажды къ старшему брату нищій и сталъ проситься на ночлегъ. Мужикъ съ женой его не пустили. и онъ ушелъ къ младшему брату, живущему рядомъ, и сталъ проситься ночевать.

— Переночуй, дядя: мѣста хватитъ у насъ. Походишь, пособи-раешь гдѣ—приди опять ночевать къ намъ, если запоздаешь и не успѣешь уйтти въ другую деревню,—сказалъ младшій братъ.

Нищій зашелъ къ нему, и онъ угостилъ его какъ гостя. Переночевалъ нищій у младшаго брата; поблагодарилъ за принятіе и угощеніе и ушелъ собирать. Запоздалъ онъ и опять вернулся ночевать. Переночевалъ у младшаго брата другую ночь и сталъ звать къ себѣ въ гости.

— А гдѣ ты живешь?—спросилъ младшій братъ.

„Выйдемъ на крыльцо, и я покажу тебѣ, въ которой сторонѣ я живу“, отвѣтилъ на это нищій.

Нищій и хозяинъ вышли на крыльцо и первый, указывая на одну изъ четырехъ сторонъ, гдѣ виднѣлась дорога, сказалъ: „Ступай на эту дорогу. Пройдешь ты по этой дорогѣ нѣкоторое разстояніе и встрѣтишь перекрестокъ нѣсколькихъ дорогъ. Какъ придеши на перекрестокъ, возьми палку, которую найдешь тутъ же, и воткни эту палку въ средину перекрестка. Въ ту же минуту прикатитъ къ тебѣ повозка съ тройкой запряженныхъ въ нее коней. Садись въ эту повозку и поѣзжай. Кони сами знаютъ, куда тебѣ нужно ѣхать. Ты ихъ не направляй и не понукивай. Это будетъ не нужно“.

Поблагодаривши младшаго брата и пригласивши его къ себѣ

въ гости, нищій ушелъ. Младшій братъ хотя и принялъ слова нищаго за обманъ, однако рѣшилъ сходить на перекрестокъ. Но когда къ нему ѣхать—времени избрать не могъ. Наконецъ, случился какой-то праздникъ и въ деревнѣ „загуляли“. Младшій братъ ушелъ по указанной нищимъ дорогѣ на перекрестокъ и увидалъ тамъ палку. Воткнулъ эту палку въ средину перекрестка, и вдругъ прибѣжала къ нему тройка отличныхъ коней, запряженная въ богатую повозку. Мужикъ весьма удивился такому чуду и сталъ тутъ думать, сѣсть въ повозку или нѣтъ. Думаль, думаль и рѣшилъ сѣсть. Сѣлъ и поѣхалъ. Ёхалъ онъ быстро, кони неслись вихремъ. Впереди себя дороги не видалъ, а какъ оглядывался назадъ—дорога казалась отличной, какъ карта. Ёхалъ онъ много ли, мало ли—пріѣхалъ въ большой дремучій лѣсъ, такой прекрасный, какого онъ еще не видалъ. Ёхалъ опять лѣсомъ. Вдругъ кони остановились у воротъ огромнаго и при томъ прекраснаго дома. Ворота сами растворились, и заѣхалъ онъ во дворъ. Теперь онъ думаль, что все это—не обманъ, а дѣйствительность. Вылѣзъ изъ повозки и зашелъ въ домъ съ большой робостью, съ какой идутъ къ царю во дворецъ. Въ домѣ встрѣтилъ его хозяинъ въ блестящихъ одеждахъ, важнаго вида. Въ немъ призналъ тотъ самаго нищаго, котораго принималъ и угощалъ. Хозяинъ весьма ласково обращался съ нимъ и предложилъ ему великолѣпное угощеніе. Послѣ обѣда показывалъ ему свои покои, водилъ и въ сады, окружающіе его домъ. Такъ прошло до вечера. Поговорили, побесѣдовали до ночи, и хозяинъ-нищій приготовилъ своему гостю мягкую постель.— „Все, что увидишь во снѣ, утромъ расскажи мнѣ“,—сказалъ хозяинъ. Гость далъ слово рассказать; затѣмъ уснули. Спитъ гость и видитъ во снѣ, будто спитъ онъ на четырехгранномъ брускѣ и хочетъ упасть внизъ; а внизу, по одну сторону бруса, горитъ огонь, по другую—стеклится вода. Испугался спящій гость и проснулся. Подошелъ къ нему хозяинъ и спросилъ его, что-де видѣлъ во снѣ.— „Ничего не видѣлъ“,—солгалъ гость. Хозяинъ обличилъ его во лжи и сказалъ, что онъ долженъ переночевать у него другую ночь, такъ какъ онъ провелъ въ домѣ его двѣ ночи. Гость согласился. Провелъ онъ день то—въ богатыхъ покояхъ, то въ прекрасныхъ садахъ и наступила ночь. Хозяинъ опять уложилъ его на мягкой постели и сказалъ ему, что увидѣнный сонъ онъ долженъ рассказать. Гость далъ слово и уснулъ. Спитъ и видитъ онъ себя въ какомъ-то смрадномъ мѣстѣ

Проснулся онъ съ испугомъ и хозяинъ подошелъ къ нему. — „Ну, расскажи, что видѣлъ во снѣ“, — обратился къ нему хозяинъ. — „Ничего я не видѣлъ“, — солгалъ гость опять. Хозяинъ опять обличилъ его во лжи, рассказавши ему сновидѣніе. Гость сталъ собираться домой. Хозяинъ не отпускаетъ его — говорить, что онъ долженъ переночевать третью ночь, за старшаго брата. — „Не торопись, погости еще“, говоритъ, останавливая его. Дѣлать нечего, гость долженъ былъ согласиться переночевать третью ночь за старшаго брата. Пришла ночь и хозяинъ уложилъ его опять на мягкую постель, взявши съ него слово рассказать видѣнный сонъ. Уснулъ онъ и увидалъ себя въ прекрасномъ, очень веселомъ мѣстѣ. — „Хорошо ли спалось тебѣ въ третью ночь?“ спросилъ гостя хозяинъ, подошедши къ нему при пробужденіи его. — „Спалъ недурно и видѣлъ хорошій сонъ“ — отвѣтилъ онъ. — „Я знаю видѣнный тобою сонъ: ты видѣлъ себя въ прекрасномъ мѣстѣ“, — сказалъ хозяинъ. Далѣе, онъ объяснилъ три сновидѣнія: — „Первый сонъ твой означаетъ мѣсто твоего старшаго брата, а второй сонъ — жены твоего старшаго брата. Они не любятъ нищихъ, потому и приготовлены имъ такія мѣста. Третій сонъ означаетъ твое мѣсто. Оно будетъ дано тебѣ за любовь къ нищимъ“. Поблагодарилъ гость хозяина, простился съ нимъ и по лѣстницамъ спустился во дворъ, а тутъ у крыльца дождала его уже тройка отличныхъ коней, запряженная въ богатую повозку. Сѣлъ онъ въ эту повозку и поѣхалъ. Доѣхалъ до перекрестка дорогъ и остановился. Вылѣзъ изъ повозки и лошади вернулись. Онъ пошелъ по дорожкѣ и пришелъ домой. — „Гдѣ ты пропадалъ двѣ ночи?“ спросила его жена. Мужикъ рассказывалъ ей все, какъ было, и жена выразила сильное желаніе побывать въ гостяхъ. — „Принимай и угощай нищихъ и — можетъ быть — будешь приглашена“ — сказалъ на это мужикъ. Съ тѣхъ поръ мужикъ сталъ любить нищихъ сильнѣе.

Нищій—языковѣдъ.

Бродилъ по деревнямъ съ котомкой за плечами нищій. У него не было ни кола, ни двора, ни родныхъ. Приютить—некому. Ушелъ онъ въ чужую сторону и тамъ сталъ собирать куски хлѣба, которые ему давали и потомъ продавалъ эти куски и тѣмъ пріобрѣталъ копейку—другую денегъ. Проходилъ онъ однажды волокомъ, и тамъ увидалъ большой домъ. Зашелъ въ этотъ домъ. Хозяинъ дома былъ въ отлучкѣ, а прочіе члены семьи—дома. „Не наймешься ли ты къ намъ въ работники?“ спросилъ нищаго старшій сынъ хозяина. Нищій подумалъ и согласился.—„Чѣмъ шлеться съ котомкой, лучше буду жить въ работахъ“—сказалъ онъ себѣ. И нанялся онъ за обыкновенную плату, какую платили работникамъ, и сталъ служить. Черезъ нѣсколько времени хозяинъ вернулся и доволенъ былъ сыномъ, что нанялъ онъ работника.—„Живи ты въ отдѣльной избѣ съ моими работниками, въ мои хозяйскіе покои не заходи“—сказалъ хозяинъ.—„Хорошо будь по-твоему“—согласился работникъ и сталъ жить въ отдѣльной избѣ съ прочими работниками. Живетъ онъ въ работахъ, помещается въ отдѣльной избѣ, въ хозяйскіе покои не заходитъ, крѣпится; крѣпился, крѣпился—наконецъ не вытерпѣлъ, когда хозяйева дома не было, сходилъ въ хозяйскій домъ. Хозяинъ какъ-то узналъ, что работникъ, вопреки запрещенію его, заходилъ въ хозяйскіе покои. Въ наказаніе за это хозяинъ заставилъ служить у него въ работахъ даромъ цѣлый годъ. Работникъ покорился—сталъ служить даромъ. Прослужилъ онъ даромъ цѣлый годъ и опять нанялся въ работники за ту же цѣну, съ условіемъ не заходить въ хозяйскіе покои. Долго крѣпился онъ—не заходилъ въ помещеніе хозяина. Но вотъ опять хозяйева отлучились, и онъ сходилъ. Хозяева, вернувшись, узнали, что работникъ опять былъ въ хозяйскомъ домѣ. За это заставили его служить бесплатно другой годъ. Теперь, боясь лишиться платы, онъ

крѣпится, въ хозяйскіе покои не заходитъ. Прослужилъ три года и хозяинъ говоритъ ему: „Выбери изъ двухъ одно: или возьми денегъ за послѣдній годъ, или получи даръ языкознанія“.— „А какіе языки я буду знать?“ спросилъ нищій.— „Будешь знать не только языкъ людей, но и животныхъ, и неодушевленныхъ предметов“. Нищій думалъ, думалъ и выбралъ послѣднее—пожелалъ быть языковѣдомъ. Угостилъ хозяинъ своего бывшего работника и послалъ съ нимъ своего сына проводить его до извѣстнаго мѣста съ тѣмъ, чтобы научить его тамъ всякимъ языкамъ, языкамъ живыхъ и неживыхъ. Шли они много ли, мало ли—хозяйскій сынъ научилъ его языкамъ всѣхъ животныхъ и всѣхъ вещей; а чтобы испытать нищаго въ знаніи языковъ, ему надо было еще пройти нѣкоторое разстояніе лѣсомъ. Шли лѣсомъ, и увидали большое бревно, которое лежало у дороги. Учитель спросилъ бревно: „что дѣлаешь?“ затѣмъ пнулъ въ него ногой, и оно издало звукъ. „Что отвѣтило бревно?“ спросилъ учитель ученика—нищаго.— „Лежу на своемъ мѣстѣ“—перевелъ нищій языкъ бревна.— „Правильно“—подтвердилъ учитель. Шли они лѣсомъ, и учитель остановился у сосны и спросилъ ее: „что дѣлаешь?“ и съ этими словами опять пнулъ ногой въ сосну. Сосна издала звукъ и учитель спросилъ ученика: „что отвѣтила сосна?“— „Стою и смотрю на васъ“—сказала она.— „Вѣрно твое слово“—сказалъ опять учитель. Затѣмъ учитель вернулся къ себѣ, убѣдившись вполне, что нищій даръ языкознанія получилъ. Шелъ нищій лѣсомъ и дошелъ до деревни. Зашелъ въ избушку, и тамъ семейныхъ не засталъ. Пнулъ онъ ногой въ стоявшій въ переднемъ углу столъ со словами: „Гдѣ семья?“ и столъ (звукъ отъ удара) сказалъ: „семья на гумнѣ“. Опять спросилъ: „что дѣлаютъ?“ и съ этими словами пнулъ въ столъ.— „Молочать“,—отвѣтилъ звукъ стола. Вышелъ онъ изъ избы и зашелъ въ другую избу. Здѣсь тоже не засталъ никого. На очагѣ въ котлѣ варятся щи. Онъ стукнулъ въ котель со словами: „Гдѣ семья?“— „Уѣхали въ село“—отвѣтилъ котель. Вышелъ нищій изъ этой избы и направился въ село. Пришелъ онъ въ село и тамъ сказали, что у одного лавочника сдѣлалась покража: украли-де деньги и вора не нашли. Зашелъ онъ въ домъ лавочника и тамъ засталъ семейныхъ его и другихъ людей. Хозяину онъ предложилъ свои услуги поворожить, можетъ быть-де узнаю вора и найду деньги. Хозяинъ охотно согласился и въ случаѣ нахождения денегъ обѣщался наградъ его. Онъ пнулъ ногой въ столъ и